

**УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛОЦКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XIII-XVI ВВ.**

О.П. Голубович

УО "Гродненский государственный аграрный университет"

г. Гродно, Республика Беларусь

Особенности исторического развития Полотчины в XIII-XVI вв. Значение Полоцка и Полоцкой земли в ранней истории Беларуси трудно переоценить. После активной борьбы за независимость в XI в. и разделения на уделы в XII в. [4, с. 148-166, 183-189] с середины XIII в. Полоцкое княжество всё больше и больше оказывалось в орбите политической истории нового и динамично развивающегося государства – Великого Княжества Литовского. Окончательное вхождение Полоцка в его состав завершилось к началу XIV в. при полоцком князе Константине (1307 г.). Есть все причины утверждать, что присоединение Полотчины к ВКЛ происходило мирным путём: а именно на основании договора, заключенного между центральными властями и представителями местной элиты.

Историческая жизнь Полоцка в составе ВКЛ имела свои специфические черты. Основу населения составляли православные жители, среди которых наибольшее влияние в течении XIV-XVI вв. постепенно стало приобретать местное боярство: слой землевладельцев, исполнявших земскую, т.е. военную, повинность в пользу великого князя литовского. Значительное влияние на Полотчине имели и жители крупнейшего и богатейшего города ВКЛ – Полоцка. Контроль над придвинской торговлей и традиции ремесленного производства делали мещан важнейшим из сословий, чьи интересы учитывали центральные власти. Одними из первых полочане получают магдебургское право – в 1498 г. К особенностям полоцкого региона следует отнести и возможность для полоцких мещан владеть загородными имениями наряду с боярами, что ярко иллюстрирует «Попис войска ВКЛ 1528 г.» [9, с. 154-155].

Специфические черты общественного быта жителей Полотчины отражены в областных привилеях великих князей литовских, выданных в 1511, 1547 и 1580 гг., где зафиксированы древние обязательства князя и местного воеводы действовать только в согласии с местным правом, сохранять автономные права данной земли, не вмешиваться в церковные дела, обеспечивать имущественные и личные права [3, с. 65]. Даже назначение полоцкого воеводы,

согласно данным привилеям, должно происходить с согласия местных правящих кругов [3, с. 65].

Немаловажное значение имело и то, что Полоцк являлся центром епархии, а полоцкие владыки занимали второе после митрополита место в православной иерархии ВКЛ, к тому же полоцкие епископы во второй половине XV- первой половине XVI вв. три раза становились митрополитами всея Руси [2, с. 218].

Яркой чертой жителей Полотчины того времени является сильно развитое региональное самосознание, а привязанность к Родине была свойственна самым разным слоям полоцкого общества, и не только тем, которые занимались интеллектуальной деятельностью [2, с. 212-213].

Бурная общественно-политическая, религиозная и экономическая жизнь региона обусловила высокий уровень развития культуры, в том числе и языковой. Это нашло отражение в памятниках духовной литературы, созданных полочанами. До нашего времени дошли написанные на пергаменте Евангелия XIV в. из полоцкого монастыря Иоанна Предтечи на Острове [8, с. 73]. Ярким примером белорусской агиографии является «Житие Ефросиньи Полоцкой», написанное с очевидных патриотических позиций во второй половине XV в. игуменом полоцкого Бельчицкого монастыря и духовником Киевского митрополита Григория – Варсонофием [7, с. 11]. Огромен вклад в развитие отечественной культуры выходцев из Полотчины, среди которых первое место занимают такие просветители XVI в., как Франциск Скорина и Василий Тяпинский.

Языковая ситуация на Полотчине в XIII-XVI вв. Языковую ситуацию на территории Юго-Западной Руси, в том числе и Полотчине, известный русский лингвист Б.А. Успенский определил как церковнославянско-русское двуязычие, в отличие от Московской Руси, где сохранялась ситуация диглоссии, что выражалось в существовании на территории Юго-Западной Руси двух литературных языков: наряду с церковнославянским (в специальной южнорусской редакции) в этой функции здесь выступает так называемая «проста или руска мова» (старобелорусская), в то время как в московском государстве функционировал только один литературный язык – церковнославянский язык великорусской редакции [10, с. 388].

Отмеченное различие в языковой ситуации наглядно отражается и в номенклатуре наименований, принятой для соответствующих языков: в Московской Руси эпитет «русский» при обозначении литературного языка относился к церковнославянскому, а понятия «русский» и «славянский» являлись синонимами; в Юго-Западной Руси «русский»

и «славянский» языки выступают как антонимы, т.е. первый был синонимичен «простой мове», а второй – церковнославянскому языку [10, с. 388]. Интересно, что «просту мову» в Москве называли «литовским» и «белорусским» языком [10, с. 388].

Церковнославянский язык являлся важнейшим средством коммуникации среди образованной части полоцкого общества XIII-XVI вв. Достаточно упомянуть, что в переводных пражских изданиях книг Библии Ф. Скорины 63,4 % использованных языковых средств являются церковнославянизмами и только 36,6% – белорусизмами, причем в других белорусских конфессиональных памятниках XV-XVI вв. такое большое количество церковнославянских элементов не встречается [1, с. 219]. Однако церковнославянский язык в течение отмеченного времени терял своё значение, уступая с XVI в. место «простой мове» и польскому языку [10, с. 404-408]. Проявлением этого процесса на Полотчине можно считать перевод Евангелия, осуществлённый В. Тяпинским, где церковнославянизмов нет совсем [1, с. 221].

Язык памятников полоцкой деловой письменности XIII-XVI вв.

При изучении полоцкой деловой письменности XIII-XVI вв. невозможно обойти вопрос о языке памятников. Белорусские учёные в целом единодушны в мнении, что центральное делопроизводство в ВКЛ XIII-XVI вв. велось на старобелорусском языке. Причем ещё классик белорусского языкознания Е.Ф. Карский считал, что в основе актового языка в ВКЛ лежит народный белорусский язык, которому писцы придали некоторую искусственность, внося в него, хотя и не в значительной степени, элементы украинского, церковнославянского и польского [6]. Что касается изучения особенностей языка местного делопроизводства в ВКЛ XIII-XVI вв., то Полотчине повезло в этом больше, чем другим регионам.

Специальным изучением языковой ситуации в ВКЛ XIII-XVI вв. в 30-х годах прошлого века занимался известный норвежский славист Христиан Станг, перу которого принадлежит ряд до сих пор не потерявших значение исследований, среди которых особо стоит отметить книгу “Старорусский язык грамот города Полоцка”, опубликованную в Осло в 1939 г. [11]. Работа основывается на изучении канцелярского языка полоцких грамот, сохранившихся в Рижском историческом архиве [11, с. 1]. В результате проведённого исследования ученый пришел к следующим выводам:

1. Язык полоцких грамот изначально передавал белорусские языковые формы, которые ясно отличаются от языковых памятников

Пскова. Так, например, в полоцких грамотах отсутствует типичное для псковской письменности замена *с* на *ш*, *з* на *ж* [11, s. 32, 147].

2. Почти ничем не отличаются полоцкие тексты от смоленских грамот. Единственное отличие, которое удаётся отметить, это локативный падеж в единственном числе в словах с основой на *-ско-*. В смоленских грамотах встречается форма *оу (въ) Смол(е)н(ъ)скѣ*, неизвестная в полоцких текстах, где встречается только форма на *-сиѣ*, *-ску* [11, s. 32, 147].

3. От языка литовско-русских княжеских грамот полоцкие грамоты отличаются по целому ряду пунктов. Так, цоканье и форма *Єсме* неизвестны литовско-русским княжеским грамотам. Полоцкие грамоты и литовско-русские княжеские грамоты, особенно в ранний период, свидетельствуют о различии в употреблении *h* и *e*. Язык канцелярии великого князя (литовского) едва ли происходит из полоцкой канцелярии. Х. Станг полагает, что старобелорусский язык канцелярии ВКЛ сформировался на основе североукраинско-южнобелорусской или центральнобелорусской языковой традиции [11, s. 103].

4. В истории языка деловых памятников Полоцка выделяются три периода. Первый охватывал время до 1410 г. Х. Станг обратил внимание на то, что самые старые полоцкие грамоты написаны на русском, а не на церковнославянском языке, причём это касается также и епископской документации [11, s. 3]. Второй период включает в себя XV в., на протяжении которого язык полоцких грамот всё больше приближается к литовско-русскому (старобелорусскому) канцелярскому языку. Он постепенно превращается в провинциальную разновидность этого канцелярского языка, что проявилось в отмирании прежних особенностей и нарастании нормированности языка [11, s. 90]. Последний период, который выделил ученый, охватывает всё XVI столетие, в течение которого полностью исчезает разница между языками центрального государственного и местного полоцкого делопроизводства [11, s. 147].

Характерно, что отмеченный Х. Стангом процесс языковой нивелировки в целом по хронологии совпадает со временем нарастания общих черт в политической и экономической жизни на всей территории ВКЛ на протяжении XVI века.

Результаты проведённого Х. Стангом исследования, которые в целом принимают белорусские языковеды [5], дают все основания утверждать о существовании вплоть до XVI в. региональных языковых особенностей памятников деловой письменности Полотчины. Полностью отсутствует в исследовании норвежского лингвиста

ономастический аспект, так как он ставил своей задачей изучение апеллятивной лексики.

В заключении отметим, что языковая культура Полотчины формировалась в специфических исторических условиях и сохраняла свои особенности вплоть до начала XVI в. Язык памятников деловой письменности региона представляет собой уникальный источник для изучения истории белорусского языка.

Литература

1. Булыка А.М., Жураўскі А.І., Свяжынскі У.М. Мова выданняў Францыска Скарыны.– Мн.: Навука і тэхніка, 1990.– 253 с.
2. Варонін В. Полаччына і палачане ў нацыянальна-культурным і рэлігійным жыцці Вялікага Княства Літоўскага першай паловы XVI ст. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. - 2002. - № 17. - S. 211-219.
3. Вішнеўскі А.Ю., Юхо Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытнасці да нашых дзён): Вуч. Дапаможнік / Пад агул. Рэд. праф. А.Ф. Вішнеўскага.– 2-е выд., дап.– Мн.: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003.– 320 с.
4. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т.1. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш.– Мн.: “Экаперспектыва”, 2000.– 351 с; іл.
5. Журавский А.И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка // *Восточнославянское и общее языкознание*.– М., 1978.– С. 185-191.
6. Карский Е.Ф. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности.– Вильна, 1904.– 347 с.
7. Клосс Б.М. Житие Ефросинии Полоцкой: проблемы изучения и издания // *Асветніцтва і гуманістычныя каштоўнасці Беларусі ў рэтраспектыве часу: да 900-годдзя з дня нараджэння Еўфрасінні Полацкай: Матэрыялы міжнар. навук. канф. 30-31 мая 2002 г., г. Наваполацк*.– Мн.: Дэполіс, 2002.– С. 9-13.
8. Нікалаеў М. Кнігапісная палата: Рукапісная кніга на Беларусі ў X-XVIII стагоддзях.– Мн.: Маст. літ., 1993.– 239 с.
9. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1.– Мн.: Бел. навука, 2003.– 444 с.
10. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.).– М.: Аспект Пресс, 2002.– 558 с.
11. Stang C.S. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk.– Oslo, 1939.– 147 s.

Резюме

В статье рассматриваются условия формирования полоцкой деловой письменности xiii-xvi вв.

Summary

The article is dedicated to the conditions of Polotsk written language forming xiii-xvi s.

УДК 378.016:321

ИННОВАЦИОННОЕ ПОЛЕ ВУЗОВСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Н.Н. Гончаров, Е.В. Пикульский

УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Качество преподавания политологии, в конечном счете, определяется не программой учебного курса, содержание которой требует своевременных изменений и коррекции, а уровнем профессиональной и методической подготовленности преподавателя. Однако требуется еще один очень существенный компонент, без учета которого потенциал обучающего (преподавателя) не может реализоваться в желаемой степени. Таким компонентом является интерес обучаемого (студента), его внутренняя ориентированность и устремленность на приобретение политологических знаний. Думается, что формированию, поддержанию и развитию интереса студентов к серьезному (на основе данных науки) анализу политической реальности преподаватели – политологи должны уделять максимум внимания.

Решению вышеназванной задачи способствует ориентация процесса преподавания политологии на применение инновационных технологий, включающих, на наш взгляд, множество составляющих, в том числе активные формы и методы обучения, индивидуализацию дидактики, тесты и задания, вопросы для самопроверки, схемы, адресованные студентам определенной формы обучения (дневной, заочной, дистанционной), учебно-методические комплексы, учитывающие их специфику. Ориентация на использование в учебном процессе инновационных технологий не самоцель, а путь приведения в движение самостоятельной мыслительной деятельности студентов. Здесь уместным видится напоминание, что человек имеет две системы мышления: логическое мышление и образное. Логикой пользуются инженеры, физики, а другая система – образная – то, чем сильны писатели, художники, музыканты. Науке нужны оба способа